

ГАВРИЛО

ТОВАРИЩ УРОЖАЙ.

КРЕСТЬЯНИН. Бедный буржуй! Ты мечтал, что плохой колос поставит тебя на ноги. Не волнуйся. И хороший колос может оказать тебе надлежащую поддержку.

УН. 4
Б-14

Един в двух лицах.

Акакий Семенович Крутовертов служил... Ну что-же тут такого? Все мы служим...

Он был юрисконсульт... Беда не велика.. И среди юрисконсультов встречаются порядочные люди.

Он служил в Авось-тресте. В порядке вещей. Ибо каждый уважающий себя трест имеет юрисконсульта.

Но тот же Акакий Семенович состоит на должности юрисконсульта в другом тресте, Небось-тресте. Это уже не хорошо. Но, принимая во внимание некоторые обстоятельства, можно допустить совмещение.

В один "прекрасный" день Авось-трест не поладил с Небось-трестом. Авось потребовал у Небоса за какие-то услуги 48 рублей 33 с половиной копейки. Небось в письменной форме показал Авосю весьма выразительную комбинацию из трех пальцев. Небось подал на Авосю в суд...

И вот здесь начинается миллион терзаний юрисконсульта обоих трестов Акакия Семеновича Крутовертова. Ибо он должен был выступить на суде в качестве истца и ответчика в одно и тоже время.

Бедняга не знал, как ему поступить, за кого сильнее руку держать? Ибо и Авось-трест и Небось-трест платили ему одинаково, правления обоих трестов состояли из одинаково симпатичных людей.

Наивный читатель, вероятно, разрешил-бы этот вопрос просто: отстаивай того, на чьей стороне правда. Увы, читатель, сразу видно, что вы не юрисконсульт. Настоящий, хороший, чистокровный юрисконсульт такими мелочами, как правда, интересоваться не должен. Он обязан всякое дело сделать правым. А так как Акакий Семенович был хорошим и добросовестным юрисконсультом, то оба тяжущихся треста оказались правыми.

И когда Акакий Семенович предстал пред ясные очи нарсудьи, он сам не знал, кто из его клиентов выиграет процесс.

— Кто истец?—спросил судья.

— Я истец—спокойно ответил Акакий Семенович.

— А кто ответчик?

— Я ответчик—немного дрогнувшим голосом проговорил Акакий Семенович.

Даже ко всему привыкший нарсудья несколько удивился. Но мандаты Акакия Семеновича были в порядке, в законах отакихказусахничего не сказано. Дело началось слушанием.

Нарсудья предложил сначала помириться. Но Акакий Семенович сердито посмотрел на себя и отрезал.

— Мы мириться не желаем.

Судья пожал плечами и дал слово истцу. И грозный Авось-трест заговорил устами Акакия Семеновича:

— Пред пролетарским судом, товарищ народный судья все равны... Грозная пролетарская рука должна всей тяжестью обрушиться на тех, кто пользуясь своим высоким служебным положением, дискредитирует то учреждение, которое имеет несчастие быть под его руководством...

— В этот момент оскорбленный Небось-трест запротестовал.

— Я просил-бы истца держаться в рамках приличия...

Авось-трест извинился и продолжал... Уже в более скромных выражениях он разнес Небось-трест, что называется, вдребезги...

Но ответчик не остался в долгу. Выпив стакан воды и переменяв грозный, вызывающий тон на насмешливо-иронический, Акакий Семенович начал защитительную речь:

— Я не поздравляю уважаемый Авось-трест с представителем, рискующим в пылу молитвенного усердия разбить свой драгоценный лоб. Его претензии не имеющие никакой юридической основы, заслуживают одного: легкого пожатия плеч и иронической улыбки.

Теперь Авось-трест обиделся и Небось-трест извинился...

С народным судьей приключился нервный припадок... Дело было отложено... Судья серьезно заболел... Ходят слухи, что Акакий Семенович предложил ему свои услуги по возбуждению иска к Авось-тресту и Небось-тресту, в коих он по-ныне благополучно юрисконсульствует.

Впрочем, можем порадовать читателя. Говорят, что к его многочисленным обязанностям прибавляется еще одна: он скоро поступит юрисконсультом в Как-Нибудь-Трест.

Аника-Вои

Роскошная жизнь.

1. Экое горе, опоздал на трамвай.

Прерванное путешествие.

(Записки Киндермана).

Скучно чивой-то.. В университете—тощища, пойдешь в полицию—тоже невесело. „Дайте нам“ говорят, что-нибудь новенькое, эдакое, знаете... А где же им, чертям, „эдакое“ выцарапать? Из пальца, что-ли... от нечего делать, начал читать Карла Маркса, здорово пишет, только ни черта не поймешь. Надо будет взяться за „коммунизм в древности“; у древних все веселее как-то было,— тут тебе и сатурналии и лупонарии. Благодать!

Попал на митинг коммунистов; может быть, набреду здесь на что-нибудь „эдакое“. Я не ошибся, один из ораторов, между прочим, заявил: „Германский народ и буржуазия это два полюса, которые“... Понимаете он сказал: „полюсы“. Меня словно толкнул кто. Да, решено: я отправляюсь в полярную экспедицию!.. По дороге убежал в полицей-президиум.

Явился в „Консул“. Там собрались все свои, совсем как в анекдоте: „я, шупцман, две проститутки и батюшка“.

Сообщил, что еду к северному полюсу. Долго смеялись и даже хотели бить. Поспешил объяснить, что мой маршрут будет: Берлин—Москва—полюс. Смеяться перестали и очень одобрили.

Собираюсь в далекое путешествие. Взял пару теплых носков, фуфайку, цианистый калий; прихватил и билет компартии, на случай, если беспартийных не будут пропускать к полюсу. Хотел также запастись и рекомендательным письмом от Энгельса, да случайно узнал, что старик уже умер. Из „Консула“ дали субсидию и двух человек. Завтра выезжаем.

Тысяча чертей!!! Открыл, но увы! не полюс, а нечто похуже. Оказывается, что попасть из Москвы на этот проклятый полюс можно только через... Верховный Суд. Почему-же это не отмечено на географических картах?! И почему все смеются, когда я говорю о полярных странах? А носки и фуфайка? Разве это не доказательство? Так нет, Крыленко обязательно цианистый калий подавай!..

О, как трудно быть ученым в этой дикой и варварской стране!

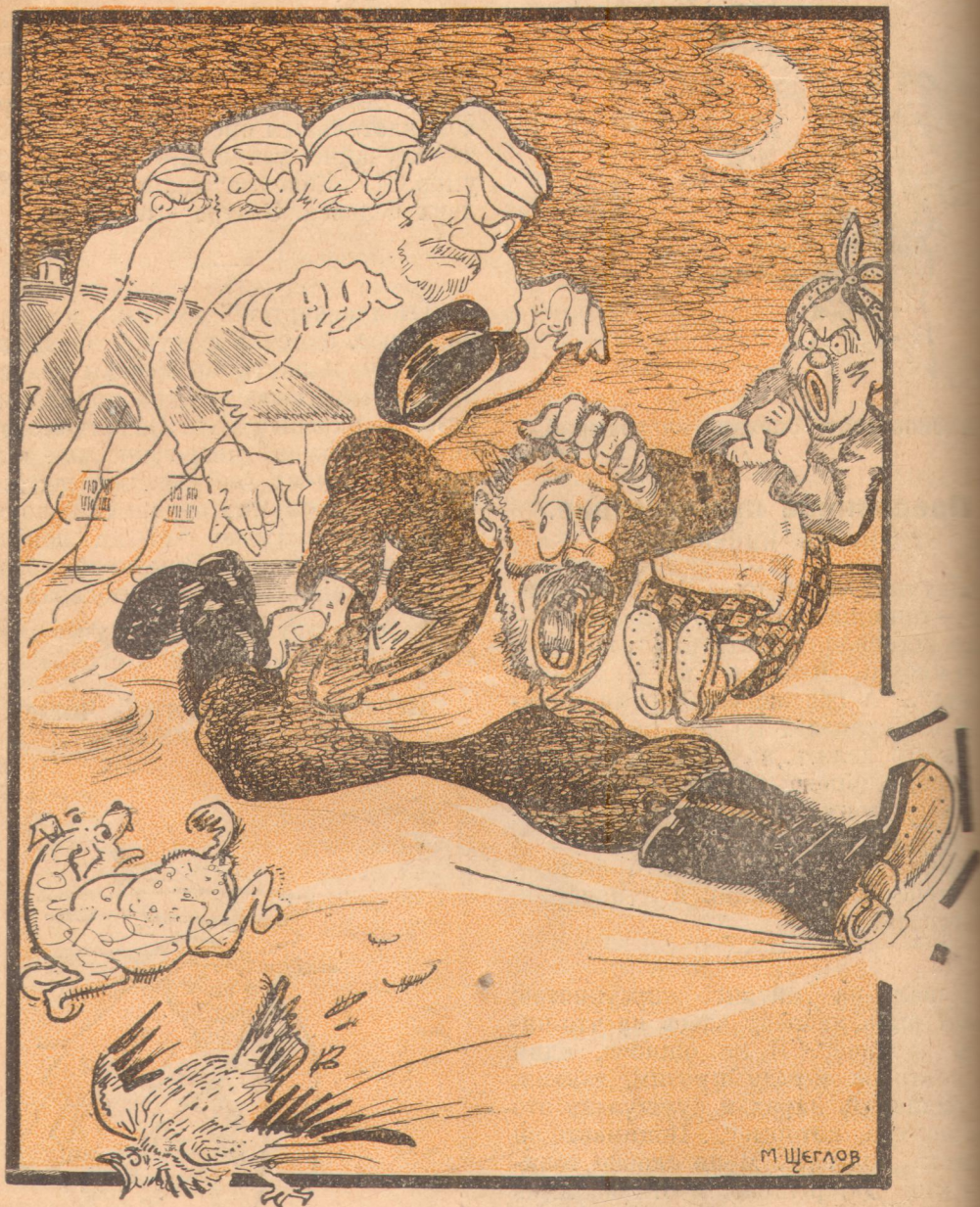
Перевел с немецкого С. Чмелев.

2. Приходится ехать в экипаже.

СПРАВКА.

Дана сия гр-ну дер. Любов
Авдотинского района Сталь
Абраменку Лукьяну Николаев
в том, что он действительно состо
из четырех душ.

— Караул! Спасите!... Тут одна душа еле держится, а мне целые четыре припаяли.

Необходимая предусмотрительность.

Уже полтора года тому назад Харьковские пожарники пользуются льготными трамвайными билетами по 3 коп. за конец. Теперь Горкомхоз потребовал добавочных по 2 коп. с билета за все полтора года.

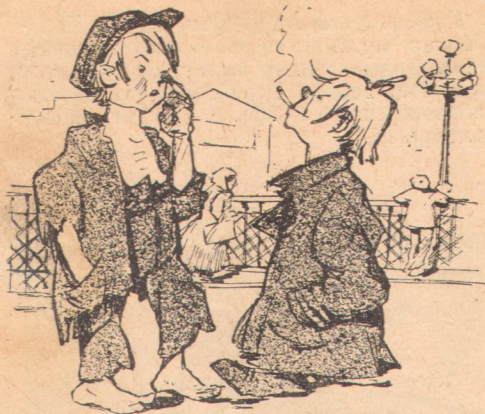

— Так что, товарищ брандмейстер, надо непременно лошадей всех по боку.

— Это почему же?

— Потому они могут потребовать добавочной порции овса за 10 лет сразу. Чем наши лошади глупее откомхозовских?

СРЕДИ БЕСПРИЗОРНЫХ.

— А мой тятка уже не просит милостыню на Нетечинском мосту.

— Чево так? Менты прогнали?

— Не... Тятка этот мост отдал жениху моей сестры в приданое.

Новый дом.

Шибко мы в гору идем,
Что ни шаг,
То решительно-важный:
На углу
Строится дом—
Се-ми-э-таж-ный.
Шуточки! Семь этажей!
Это что ж—
Вавилонская башня.
Взлезешь на крышу—
Воздух свежей,
А вдали—перелески и пашня.
Не домина—гора...
Как только закончат последнюю нишу,
Обязательно взлезу на крышу
И оттуда я крикну:
— Ура!
Живали, скажу, в гардеробе,
В спичечных коробках жили,
А теперь—
Заживем в небоскребе,
Чтоб дома, скажу не тужили!
Сколько, скажу, кубатуры,
Жилплощади сколько просторной,
Говорят, что постройка—
„По последнему слову культуры“,
Даже с уборной...

* * *

О мечты! Я в чарующей сфере!
О, хотя бы сбылась треть.
Но пока что
Живу на „фатере“,
На такой... чтоб ей завтра сгореть!
Живу, как крот,

Кубатура непонятна:
Три шага вперед,
Два обратно.
Потолок обвис,
Обвалился карниз,
Дверь прикрывается еле.
Кстати, не знаете-ль средства от крыс—
С'ели, проклятые, с'ели!
Не спасешь и своих потрохов,—
Как вам нравятся крысиные трюки.
С'ели намедни
Тетрадку стихов,
А главное—брики.
О, муки.
Направо хозяйская дочка
Берет идиотские гаммы,
Налево кустарь-одиночка
Сбивает оконные рамы.
В довершение драмы
Принесло домовладелку,—
Наш домовый пулемет:
С вас, говорит, за побелку,
И за три года вперед,
И кажется ваш черед
Мыть полы в коридоре,
И прошу не курить, я пожарую боюсь.
И... с лукавством во взоре
Толстой бабищи в рожу смеюсь:
— Ничего, потерплю...
Шибко мы в гору идем,
Что ни шаг,
То решительно-важный,
На углу строится дом,
Ни какой-нибудь,—
Се-ми-э-таж-ный.

Мих. С.

Случай с лордом Бровен

В Англии безработные
нимаются продажей собствен-
ной крови для медицин-
ских целей. Врачи перелива-
ют кровь нуждающимся в
богачам.

(Из газет)

Лорд Бровен, член верхней палаты и крупный акционер одного из богатейших фабричных предприятий серьезно занемог. Врачи нашли у него трое малокровие на почве падения акций и волнения рабочих, связанного с забастовками.

— Эти рабочие буквально выпили его кровь!—сотовала перед врачами леди Бровен.

— Если так,—весело ответил один из врачей,—мы займемся перекачиванием крови обратно... из рабочих.

Операция переливания крови работного рабочего лорду Бровен

лась блестяще. Большой быстро выздоравливал (чего нельзя сказать о рабочем); на щеках заиграл (на мотив „боже, храни короля“), румянец, силы (для борьбы с забастовочным движением) восстанавливались...

Любящая лэди Бровен ласково склонилась к мужу.

— Мой дорогой, я надеюсь, вам уже совсем хорошо?

Лорд зевнул, потянулся и спустил породистые английские ноги с шикарной английской кровати.

— Ладно, старая, не бухти!—сказал он.—Я теперь уже о-го-го!

И схватил породистую лэди породистой рукой за породистое бедро.

Пораженная такой переменной в муже и шокированная его словами и действием,—лэди раскрыла рот и так его и не закрывала.

А лорд продолжал:

— Шамать что-то очень хочется. Собери, старуха, что бог послал. С'ел бы я кусок вчерашнего пирога с кашей да похлебку из бобов...

Но так как лэди от изумления не двигалась с места, лорд сердито заорал:

— Что ты зеньки уставила? Муж тебе или не муж? А раз муж, ты дай, что ему полагается. Мне спать пора—вставать чуть свет надо. Может, работенка какая перепадет...

На другой день поведение лорда было еще более скандальным и несоответствующим его происхождению, положению и званию.

Позавтракав, он вместо благовонной сигары закурил трубку и ловко сплевывая на паркетный пол, задумчиво делал затяжку за затяжкой. Выкурив трубку, он постучал ею о каблук своего лакированного башмака и вышел на улицу...

Излишне говорить, чем кончилось это выступление в палате. Всегда ровный, всегда консервативно-выдержанный, он на этот раз наговорил много неприятных вещей палате, и поднял вопрос о негодности правительства и о составлении нового, исключительно из рабочих. Закончил он так:

— Вы, сэры, лорды и прочие! Вам пора уже на покой! Попили нашей кровушки! Вся власть рабочим!

Палата обомлела и сама собой задрожала...

Что было дальше—нам неизвестно, как неизвестно и местопребывание лорда Бровен в настоящее время. Но можно ожидать, что в недалеком будущем последует закон о запрещении переливания рабочей крови знатным лицам, как чреватого последствиями.

Мало ли есть других способов для ликвидации безработицы? Зачем переливать кровь рабочих, когда можно ее просто проливать!

Туз.

Поэт.

В крылатке щеголял в сибирские морозы,
(Пальто демисезон весной отнес в ломбард),
Но рифмовал упорно розы-грезы
И пел о страсти вдохновенный бард*).

И подмахнув стишки—Анеподист Фиалкин,
Их нес в редакцию, обтрепанный и жалкий.

Тес... Он творит!.. К нему слетела муза.
Скрипит перо, как старый дилижанс.
О муки творчества! Нет тягостнее груза,
Но... обещал редактор дать аванс.

Поэта славы ждет венок лавровый,

И... суп мясной в дешевой столовой!

Что слава? Дым. Все счастье в гонораре:
Квартира, прачка—не сочтешь долгов...
Стихи он посвящал «Малютке Варе»,
Квартир-хозяйке, даме в шесть пудов.

Но Варенька стихам предпочитала
Рублишек пять «презренного металла».

* * *

«Любовь». «Закат»... К чертям труху и плесень!

Фиалкин стал «поэтом от станка»...
Но не понять «толпе» твоих, о, гений, песен,
Где откровенье—каждая строка:

«Трансмиссия пылала на вагранке
И молот разбивал ее, как склянки».

Увы!—не пригодился «старый спец»,
Его забил Ванятка Никоноров—
Поэмы целые печатает, шельмец,
А сам-то он из этих, из раб-ко-ров...
Осталось поэтической натуре
На исходящей сесте регистратуре!

Но иногда читает он экспромты
За парочкой «трехгорного» в пивной.
Присядет к столику, хоть с ним и незнаком ты,
И верещит о «страсти неземной».
Трясется весь от приступа икоты
И просит одолжить полтинник «до субботы».

Михей.

*) Певец.

О писателе Емеле, пятидневной неделе, о
селянине Игнате, гайке и шпагате.

1.

Некий бойкий сочинитель,
Удалой московский житель,
Тьму истративший чернил,
Вдруг неделю сочинил.
В той неделе, мол, годится
Лишь четыре дня трудиться,
Пятый—отдых для людей.
Словом—**пять** в неделе дней.

2.

На деревне у Игната
На вязалке нет шпагата,—
Значит надо, рад не рад,
В городской поехать склад.
Дело в пятницу то было,
Прикатил он в город мило,
Смотрит—что за дребедень:
Не-рабочий вышел день.

3.

Чрез недельный срок—суббота.
Нужно гаек для чего-то,
Нужен так-же и шпагат.
Снова в городе Игнат.
Тут мороз пошел по коже:
И в субботу праздник тоже.
Братцы, что за ерунда,
Да работать то когда?

4.

И пришло на ум решение:
Очевидно воскресенье
Навсегда отменено.
Ну так что ж... нам все равно.
В воскресенье чрез неделю
Он добрался еле-еле:
— Эх!.. (тут вспомнил он про мать),
Отдыхаете опять!

5.

Бросив хату, поле, пчельник,
Чрез неделю в понедельник
Снова в городе Игнат.
Смотрит ужасом об'ят:
В понедельник—праздник тоже...
Да на что-ж оно похоже?
И загнул он тут, дрожа,
На четыре этажа.

6.

Видел это все Гаврило
И помог Игнату мило:
Сочинителя достал,
Что неделю обкарнал.
— Посмотри, мол, сам Емеля
Какова твоя неделя,
Не глупи впред, смотри,
И другого не дури!

1.

3.

5.

Жертва вечерняя.

Бывают дни, когда партию приходится делать по пяти докладов.

Проснувшись, Иван Цыбиков потянулся, зевнул и вынул из-под подушки вдоль и поперек исписанный блок-нот.

— Сегодня, значит, пятница,— пробормотал он и сделал ногтем отметку.— Пять докладов: в клубе— о международном положении; в сельбудынке— о кооперации, в завкоме— о Доброхиме, в ячейке— „Стройте красные крылья“, на конференции... гм... о чем же мне докладывать на конференции? Вот чортова память, забыл! А впрочем, выкручусь. Начну сначала о международном положении, упомяну о перелете Москва—Китай, здесь же вверну об ОАВУК'е, затем коснусь кооперации и закончу все Доброхимом.

И повеселев (насколько, вообще, можно быть веселым, имея впереди пять докладов) Цыбиков начал одеваться.

Сидя за столом и обжигаясь чаем, он продолжал думать:

— Лучше всего сделать так—начать о кооперации, затронуть Доброхим, захватить по дороге Оавук и закончить все международным положением. Или нет: сначала—Оавук, потом—Доброхим, международное положение...

— Что тебе давать на завтрак-то?—спросила жена.

Цыбиков тупо посмотрел на нее и, сиюсь что-то вспомнить, пробормотал:

— Сначала—кооперацию, потом... Доброхим...

Жена сокрушено покачала головой:

— Плохим ты кончишь, Ваня.

— Я кончу международным положением—пробормотал Цыбиков, и пристально посмотрев на жену, с ужасом подумал:

— А вдруг надо читать о женском вопросе? Чорт возьми, я ведь в этом вопросе ни в зуб ногой,—и выскочив из-за стола, он начал быстро рыться в книгах.

— Папа!—подскочил к нему сынишка,—когда ты был маленьким, были пионеры?—

Цыбиков громко вскрикнул, схватил сына на руки, и радостно заплакал с ним по комнате.

2.

4.

6.

— Ура! Вспомнил!—Кричал он.—
Детдвигение! Мне надо читать в
клубе о детдвигении.—

И опустив ребенка на пол, схватил свой не вмеру разбухший портфель и выскочил не лестницу.

— Когда вернешься?—крикнула
вслед жена.

— На устные вопросы не отвечаю,
только по запискам!—бросил ей Цы-
биков и вихрем понесся по лестнице...

А на четвертом докладе, обрисовав
международное положение и коснувшись
кооперации и Доброхима, наш
герой без всякой видимой причины
опустился на пол и тихо заплакал.

Председатель объявил перерыв.

Гарри-Бальди.

Трактор—частушки.

Артель инвалидов с.
Водяное приобрела
трактор, который, по
окончании запашки,
превращен в автомо-
биль для поездок в со-
седние села.

(Кр. Николаев).

Трактор—прямо чудеса!

Он совсем не ест овса.

Его потчуй смазкою—

Нефтью кавказскою.

Эх, машина ты моя,

— В своем уме, баба? Целковый за десяток яиц. Разве такая цена бывает?

— А ты посмотри на яйца-то. В каждом почитай по цыпленку сидит. А цыплята теперь по чем штука?

Заморская штучечка!

Завтра в город двину я,

Прихватив попутчика.

На подводе ездить в грязь

Не в моем характере:

На крестины я вчера съ

Выехал на тракторе.

Трактор не вертит хвостом,

Также не брыкается,

Потому его кнутом

Бить не полагается.

Н. Хмурый.

О добром англичанине, нехорошем китайце и бамбуковой палке о двух концах.

— Можно войти к тебе, о светлый чужеземец?—сказал А-Ну-Вас, робко приседаю и кивая головой.

— Чорт с тобой, входи, желтая собака!—радушно отозвался Джон, закуривая гаванну. — Ноги только оботри да не подходи близко, клопами от тебя воняет.—

Китаец стал у порога и, откашлявшись, начал:

— Как нравится тебе, о сын неба, наш Шанхай.

— Во-первых, не ваш, а наш, а во-вторых, дрянный городишко. Не успеешь какого-нибудь косоглазого ухлопать, а уж тебе целая демонстрация. Подумаешь тоже!—

— О зачем же господину расстраивать свои драгоценные нервы, когда он во всякое время может покинуть Китай?—

— Ты это, собственно, о чем?—насторожился англичанин.

— О добрый господин! Я говорю только о твоём бесценном здоровье. Мне

кажется, что климат у нас в Китае.

— Не у вас, а у нас,—поправил Джон.

— У вас в Китае,—покорно повторил А-Ну-Вас,—не особенно хорошо для европейцев.

— Ты говоришь вздор!—засмеялся англичанин.—Мой покойный батюшка всю жизнь прожил здесь и был здоров, как бык.—

— Да, но климат, добрый господин, очень переменчив, это наблюдается во всей Европе.—

— Ну а это, брат, Азия.—

— Ветры Европы,—не унимался А-Ну-Вас,—часто дуют и в Азию.

— А мне на ветры эти наплевать.

— О! Добрый господин, знает, что ему делать со своей драгоценной слюной, только...—

— Что?!—повернулся в кресле Джон.

— Ходят слухи, что и мы, китайцы, такая-же нация, как и вы.—

-- Довольно!!! Знаешь ли ты, чертова кукла, что за эти самые слова я могу вздернуть на любой осине? Эй, люди! Всыпать этому „националисту“, пятьдесят ударов бамбуковой палкой!..—И долго еще смеялся англичанин, откинувшись на спинку своего мягкого кресла.

Впрочем, последним смеялся китаец: несколько дней спустя, „добрый господин“ был схвачен „нехорошими“ шанхайцами и с почтитель-

ными реверансами (таков уж Китай!) разложен на дороге и отодран, как следует, тем же самым бамбуком.

Покидая негостеприимную страну и почесывая ушибленное место, англичанин с тоскою подумал:

— Чорт возьми! Мне часто говорили, что палка бывает о двух концах, но я никогда не предполагал, что это относится и к бамбуку.

Эсче.

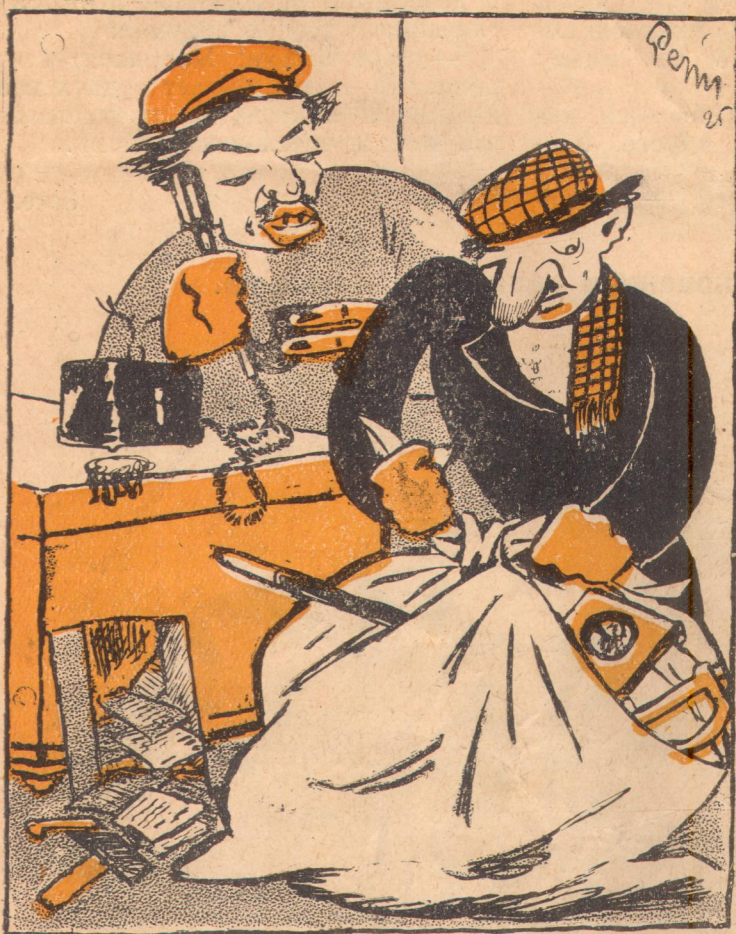
Обыкновенная авансовая механика.

— Авансов не даю принципиально, дорогой мой. Авансы это разврат... А если вам так уж нужны деньги, то возьмите подотчетную сумму на приобретение чего-нибудь... А потом деньги мы у вас удержим из жалованья в виду непредставления отчета.

НА СВОЕМ ПОСТУ.

Кадиевские милиционеры ходят играть в футбол, не оставляя в районе ни одного дежурного.

Вор (сидя у телефона в милиции): Алло! Откуда говорят? Что? Ограбили? Ладно, не забудем. Сейчас завяжу на память узелок. Мить, ходить туда уже не надо, там Сенька сработал, что надо.

У громкоговорителя.

— Милай, откуда это говорят?
— Из Москвы, гражданка, говорят.
--- Ска-а-жите, пожалуйста! Из Москвы говорят, а тут слышно? А кто же это говорит?

— Тов. Каменев говорит.

— Как же это он так прямо в трубу и говорит?

— Нет, не в трубу, это по радио. А труба передает голос.

— И даст же господь человеку такой голос!..

— Я вот и говорю: не каждому это дадено. К примеру меня взять. Уж как я наемни кричала своему аспиду, мужу, значит: Пантелей, куда

убег? Ты опять в пивную? Опять пьян воротишься?.. А он хоть бы что. Так и не услышал. Закашлялся.

— Это, тетенька, очень просто. Вот кабы ты по громкоговорителю...

— Все необразованность ваша, граждане, и опять же — отсутствие антенны...

— А я так полагаю. Мне, человеку торговому, видней. Антенны эти говорящие только жуликам на руку. Соберется это толпа и они тут, как тут. Все по чужим карманам для рук жваплощадь подыскивают...

— Тише, граждане, не мешайте слышать!..

— Послушайте, вы зачем это час мои тянете?

— Извините, граждане. Желательно мне узнать — час который. В 8 концерт назначен, так скоро ли?

— Не туда попали. Вот я милицию кликну...

— Человек хороший, раз'ясни мне старухе темной, что за голос такой!

— Это архангел с неба говорит, баба!

— Батюшки! Семьдесят лет в свете прожила и теперь вот только сподобилась глас архангельский услышать! Слава те, господи! Теперь и в могилку лечь можно...

— Эх, и ловко же запузыривают едят его мухи! Небось и Антаны слышит! До чего додумались! А разум человеческий. Очень даже неприятно человеком себя сознавать...

— Не пойму я: где говорят, а тут слышно. Должно, по проволоке голоса бегит?

— Нет, зачем по проволоке? По воздуху. Воздух, значит, в волнение приходит и переносит голос.

— Вот оно, до чего большевики воздух довели! В воздухе, и то волнение. Того и гляди—потоп всемирный будет. Все за грехи наши.

— А вы, мамаша, ковчег на всякий случай постройте. Может, и не утонете. Потому в воде не всякий предмет тонет...

— Буквально, какое то радиопомешательство! И на все деньги давай.

Мало я налогов плачу, так еще управдом явился с подпиской на радио. Мол. концерты слушать будем. Как будто для этого нельзя в театр пойти.

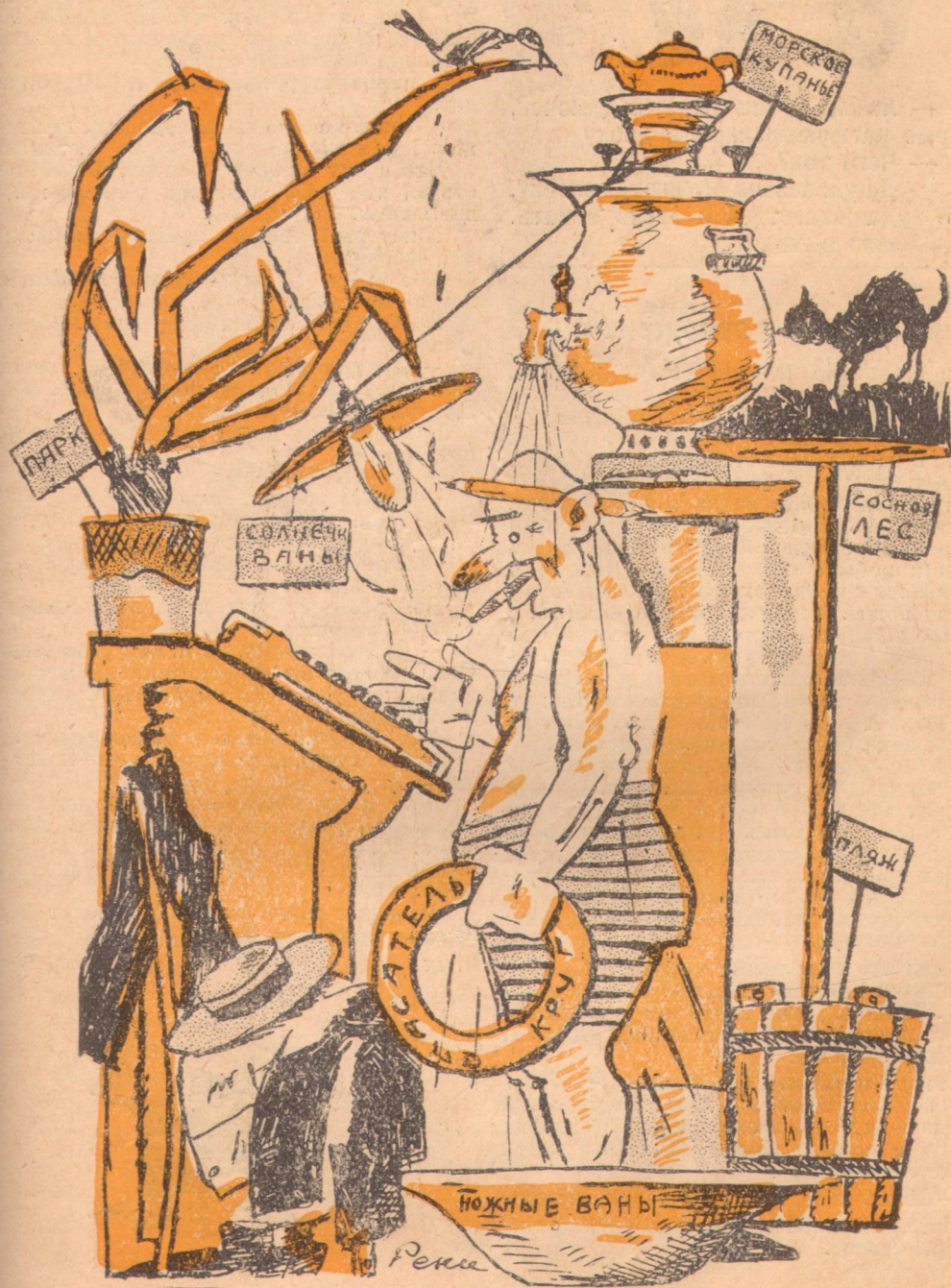
— М-да, культурные достижения... Все для выколачивания денег...

— А вы, гражданин, пошли бы в театр. Зачем на дармовщину слушать?

— Павел Семеныч, в самом деле пойдем. А то эти рабочие...

— Катитесь!

Н. Хмурый.

Каждый сам себе курорт.

ШТУКАТУРЫ.

— Люблю я, знаешь, этих дамочек, которые расфуфыренные в доску.

— Чего так?

— Да уж больно оголяются сверху. Есть куда известкой с лесов капать. Вроде белил выходит.

История с географией.

Не везет мне на этом свете. Планида, должно, моя такая. Сяду это я вечером в трамвай, чтоб домой направление держать, а кондуктор заявляет:—Вагон идет в парк!.. А мне в парк зачем? Я человек торговый... Или вот, хочу за обедом ложку из ящика вытащить, обязательно вилка под руку лезет.

Случилась со мной в прошлом году такая история с географией. Запер я пораньше магазин (я на базаре гастрономией торгую) и направился к парикмахеру. Прихожу. А там народу полно. Торговля, можно сказать, в разгаре по случаю кануна воскресенья. Сел я в уголок и газетку взял. А в ей про политику и всякие лиги наций пропечатано. Смотрю дальше «происшествия». Как не прочесть? А в происшествиях про налет на артельщика банка сказано. Налетчик, значит, убег, а особые приметы остались: из себя чернявый и тужурка кожаная. А я, как на грех, себе на той неделе такую тужурку справил, в ей и хожу. Ну, думаю, мало ли тужурок? Да на всякий случай газетку в карман припрятал: мало ли что? Могут прочитать и под особые приметы подвести. А у меня, как на грех, кроме капитала, документов никаких.

Сиюю это я и волнение в грудях ощущаю. И сидится мне и не сидится: то встану, то сяду. И опять. Даже внимание публики обратил. А промеж ее милиционер сидит. И откуда он взялся?

Сиюю я и размышляю, какие, мол, совпадения в жизни бывают. И все на ум слова из священного писания приходят: «Отойди от зла и сотвори благо». Только я хотел отойти, как слышу:

— Пожалуйста, гражданин, ваша очередь.

Начал это парикмахер меня брить и разговоры всякие:

— Как вам дожди нравятся, гражданин? Дает бог дожличка. Говорят, урожай будет... Вас не беспокоит?

Мне чего беспокоиться? Нашему брату неурожай в самый раз, и урожай не плох: торговля будет.

— Нет,—говорю. А он продолжает:

— Про налет читали? Говорят, пойманному налетчику премия будет дана.

Тут один из публики отзывается. И кто его просил?

— Как же, поймашь! Держи карман шире! А я б его узнал. Проходил я мимо в то время. Он чернявый, ваших лет, гражданин (это он мне), кожаная тужурка и усы торчком, как у моржа.

Глянул я в зеркало,—усы мои под приметой подходят: черного цвету и моржовые. Это—окромя тужурки. Осенил я себя под салфеткой крестным знамением и молитву сотворил на всякий случай.

А парикмахер свое: бреет и разговор ведет.

— Знакома мне ваша личность, гражданин. Где я вас видел?.. Вас не беспокоит?

Что я ему скажу? Смолчал. А сам чувствую, что до бесчувствия недалеко: вот-вот наземь брякнусь.

А который один из публики все на налет сворачивает.

— Усы—что? Усы не примета. Ежели налетчик не дурак, его не поймашь.

Кончил меня парикмахер брить и спрашивает.

— Прикажете усы фикстуаром? Роскошные они у вас, единственные в своем роде. Других таких не найдешь.

Захолонуло у меня сердце и холодный пот прошиб.

— Брейте,—говорю.

— Я уже побрил,—отвечает.

— Усы,—говорю,—брейте.

А парикмахер даже плечами пожал.

— Как желаете, гражданин. Ваша воля для меня закон.

Бреет это он усы и слова сожаления всякие говорит:

— Эх, гражданин, жаль мне усов ваших. С вашей стороны преступление, можно сказать. Чтoб такие усы да сбрить? С них хоть фотографию снимай...

Как услыхал я такое, да как вскочу.

— Получите, сколько следует!—и сам—в дверь.

Бегу я по улице, а на меня прохожие пальцами указывают. Очухался я только дома. Гляжу в зеркало, а у меня ус один небритый торчит. Неделю я целую хворал потом.

Ведь вот какие совпадения могут быть. Одним словом, не везет...

Туз.

Ночь. Чернильные потемки.
 На работе нынче „фомки“,
 Не страшны цепные псы:
 Кинь пшматочек колбасы,
 В ней стеклянные обломки...
 Ночь. Чернильные потемки
 И немая глухомань.
 — „Вань, а Вань!“ —
 Кто-то шепчет у калитки:
 „Ну-ка, друг, тово... послухай...
 На облаву „менты“ прытки,
 Враз накроют с четвертухой“.
 — „Не слышать“.— „Везет нам, брат,
 Сядем, сталть, за аппарат!“
 Ночь. Чернильные потемки.
 Бледны лучики соломки
 Одиноких фанарей...
 Кто стоит там у дверей?
 Тихо-тихо... В отдаленьи
 Поздний звякает трамвай.
 На углу сошлись две тени,
 Кто-то крикнул: „скидавай“...

Михей.

Это было в парламенте страны,
 тянувшейся за большими.

Председатель держал речь:

— Г. г. депутаты, мы не дети и
 не какие-нибудь идиоты (возгласы
 удивления справа). На нас смотрит
 весь мир. Пора осознать это. Доволь-
 но халтуры в нашей работе. Необхо-
 димо ввести в нее строгую систему.
 Каждый должен твердо знать, что
 самым веским парламентским аргу-
 ментом является собственный депу-
 татский кулак (бурные аплодисмен-
 ты справа и в центре). Но дайте место
 так называемой логике. Это полага-
 ется у взрослых. Создавайте моменты,
 оправдывающие действие кулака. Та-
 кими моментами явятся ваши речи,
 г. г. депутаты (гул разочарования
 справа). Да, ничего не поделаешь:
 говорить придется. Иначе, что же
 будут доказывать ваши руки? Но
 будьте спокойны. Вас не будут обре-
 менять разговорами. Мы поступим по
 примеру великих держав. На речи
 отведем воскресенья и другие празд-
 ничные дни, когда занятия не про-
 изводятся. Все же остальное время,
 г. г. депутаты, будет целиком посвя-
 щено вещественным доказательствам
 своих убеждений (оглушительные ап-
 лодисменты в центре и справа).

С. Далий.

Почтовый ящик.

СЕНЬКЕ МЕТАЛЛИСТУ. Вы спра-
 шиваете нас, — какой *самый умный,*
самый веселый и самый интересный юмо-
ристический журнал? Право, вы ставите
 нас в неловкое положение. Если бы
 мы были не скромны, мы бы сказали
 вам:

Самый умный, самый веселый и ин-
тересный, а главное, самый дешевый
юмористический журнал — это Гаврило.

Но так как мы очень скромны и
 чувство самовлюбленности нам чуждо,
 мы этого вам не скажем.

СЛЕСАРЮ ПРОТОНКИНУ. Вы за-
 даете странный вопрос, — почему нет
 зврета о поголовной обязательной
 подписке на журнал *Гаврило*?

Чудак вы человек! Зачем нам это?
 Ведь журнал „Гаврило“ и так, между

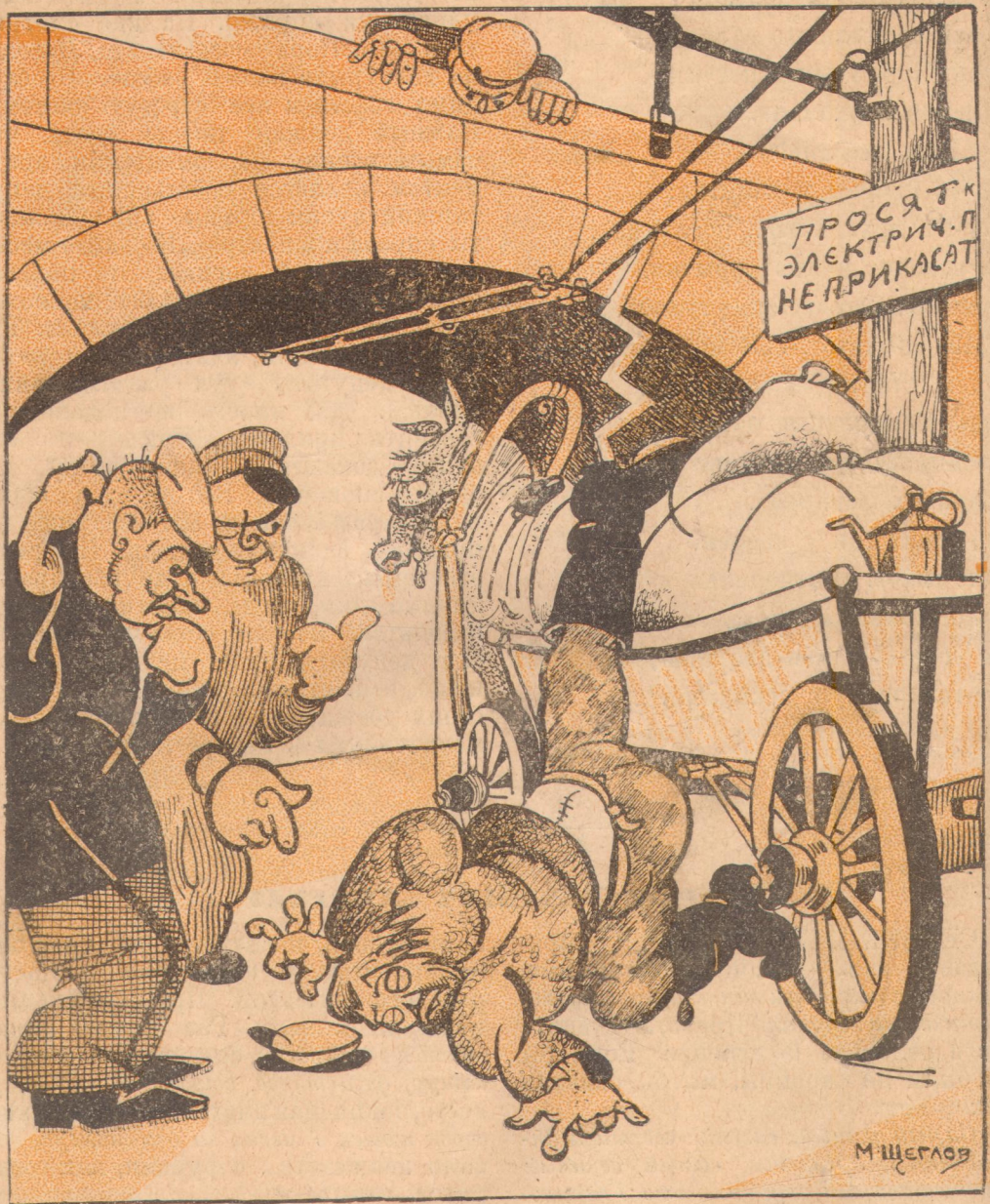
нами говоря, пользуется огромной по-
 пулярностью и симпатиями нашего
 рабочего читателя. Принудительные
 меры ни к чему. Раз журнал печатается
 в две краски, со множеством карикатур,
 фельетонов, стихов, и вдобавок
 всего, подписная плата какие-то жалкие
 сорок копеек в месяц за два номера, то
 сами понимаете... с руками, как гово-
 рится, отрывают.

ПОЛЬСКОМУ ПРЕМЬЕРУ-ПАНУ
 ГРАБСКОМУ. Понимаю ваше возму-
 щение. Наш „Гаврило“ безусловно вам
 не нравится. Но зато он нравится ра-
 бочим Украины из-за его остроумия,
 богатства материала, а главное, дешевой
 подписной платы (всего сорок копеек в
 месяц).

Гаврило.

Вниманию ликбезов.

От Петровского завода на рудники Комбината проведена линия с током высокого напряжения. Есть на столбах надписи с предупреждением не прикасаться, а предохранительных сеток нет.

Ишь ты, возле столба ликбезу не открыли и неграмотные зря умирают.

56 3 29